

получится следующее. Всякая нация стремится к успешному существованию, и на этой дороге ей встречаются другие нации. Если она хочет добиться своего уничтожения, то, как минимум, ей необходимо отвергнуть другую нацию, назвать ее врагом. Война и ненависть приведут ее к ожидаемому результату. Однако поскольку все-таки чаще нации стремятся жить, то возможен иной вариант развития, когда, несмотря на различия в установках, они уважают индивидуальность друг друга, а поэтому пытаются найти общие устремления.

Ведь всякая цивилизация — эксперимент, а выживание является испытанием. И в связи с этим, несмотря на различия в ценностях цивилизации, необходим этот спектр противоречивых мнений и наций. Унификация почти всегда ведет к загниванию и, как результат, к гибели. А столь разные подходы, которыми характеризуются разные нации, вписываются в тезис о «единстве в различии». И в итоге у человечества возможна бесконечная жизнь рода, основанная на желании успеха, исходя из уважения национальных различий и желания найти общий язык.

М. В. Андреева

Екатеринбург

И. А. ИЛЬИН И ЕГО ТЕОРИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ ЗЛУ СИЛОЙ

Вопрос о сопротивлении злу силой приобретает особую актуальность в XX в., ввиду широкого распространения зла в мире. И. А. Ильин рассматривает эту проблему в контексте православной традиции России, ее истории. Поставив перед собой цель раскрыть необходимость сопротивления злу силой в ситуациях экстремального порядка, Ильин показывает и доказывает несостоятельность идеологии непротивленчества. Он посвятил этой работе двадцать лет и предсказал те опасности, которые будут у России в постсоветский период, писал о западничестве, которое уничтожает православный дух и культуру, сам русский народ, его государство и хозяйство. И потому в работе «О сопротивлении злу силой» Ильин пытался дать обоснованный и теоретически верный ответ на вопрос: «Что же делать истинно русским людям?» Философ указывает на необходимость использования православного меча, пресекающего зло, и пытается воодушевить, поднять и

укрепить волю тех людей, которые искренне готовы служить России: «...помочь слабым увидеть и укрепнуть, а сильным удостовериться и умудриться». Ведь сопротивление злу — это защита Божьего Дела, своей веры, культуры, государства. Непротивление уже по своим последствиям означает принятие зла, подчинение и участие в нем, а затем и распространение этой заразы среди других людей. Следовательно, человеку дано две возможности: потакание злу или сопротивление.

По первому пути пошли толстовцы со своей моралью «жалостливого сострадания». Они призывают изжить зло прежде всего в самом себе, и тогда его уровень во внешнем мире упадет до нуля. Но пока мы направляем свою нравственную энергию внутрь, зло изливается вовне, разливаясь во внешнем мире. И таким образом, непротивление злу имеет шанс превратиться в потворство ему. И становится страшно от мысли о результатах такого превращения. Злу должно сопротивляться, нельзя оставаться безразличными. Конечно, Толстой прав, призывая к внутреннему преодолению зла, к самосовершенствованию и любви. Но любить (по Толстому) — это значит жалеть человека, уговаривать и не огорчать его. Живи сам доброй жизнью и других оставь в покое. Моралист сконцентрирован на любящем субъекте. Для него важна личная доброта и личная порочность; отвращение от всего, кроме состояния личной души. Такая интровертность приводит к твердому убеждению, что раз «чужая душа — потемки», следовательно, и незачем копать в ней и кто-то другой «не в праве судить о ней». Каждый любит себя в «жалостливом сострадании» к другому. И это разрушает не только характер человека, но и разъединяет людей, создает общество, где каждый сам за себя и лишь способен безвольно, пассивно «сострадать» или, в лучшем случае, готов умереть вместе с выбранным предметом внутреннего наслаждения. И что же будет с таким обществом в момент семейной, национальной или общечеловеческой катастрофы? Страшно предположить, что может получиться, если все люди станут придерживаться толстовской морали. И эта мораль, которая претендует на самое высшее в человеке, на смысл его жизни, его цель?! Ильин критикует толстовскую позицию, утверждая ее безразличие к духовности человека, ее эгоцентризм и религиозный нигилизм.

Для И. А. Ильина жизнь человека есть активная борьба со злом. Причем это человек, живущий по слову Божию. В те-

лесном мире также борьба может потребовать физической силы для пресечения злых проявлений. Однако физическое воздействие — крайняя мера, необходимая, когда «душевно-духовное воздействие недостаточно, недействительно, неосуществимо». Уже из этого видно, что меч, борющийся со злом, Ильин считает мерой несовершенной, требующей осторожности и ограниченного применения. Путь меча у Ильина — несправедливый путь, но необходимый вследствие отсутствия праведного исхода. Человек должен помнить, что «эти средства борьбы суть не божественные, человеческие; они необходимы именно вследствие несовершенства человеческой природы». Человек и обращается к этим средствам потому, что он сам не Бог, но ограниченный и преданный слуга Божий. И потому средства эти не «позволены», не «освящены», но «обязательны во всей их несправедливости».

Ильин все время подчеркивает: меч — не панацея в борьбе со злом, а крайняя, вынужденная мера. Прибегая к ней, меченосец неизбежно принимает опасное бремя на душу, осуществляет подвиг отказа от личной праведности. Возникает трагический парадокс земного героизма: лучшие люди вступают в борьбу со злом, вынужденные вести ее не лучшими и не чистейшими средствами. Пока в человеческой душе живет зло, пишет Ильин, необходим будет меч — сильный в своем пресекающем ударе. Вести государственную борьбу со злодеями — дело необходимое и духовно верное. И функции борьбы со злом должны быть в руках лучших людей — честных, совестливых, религиозно мыслящих. Счастливы монахи, художники, ученые, созерцатели, совершающие чистыми руками чистое дело, но совершать они его могут только потому, что другие обречены идти с чистыми руками на нечистые дела. Если бы у всех страх перед грехом оказался сильнее любви к добру, то жизнь на земле, замечает Ильин, была бы невозможной. Но не стоит забывать, что меч лишь пресекает зло, а не уничтожает его в корне, в истоках. Подлинная победа над злом означает его полную трансформацию в добро, когда победитель, по словам Ильина, «из глубины преображает духовную слепоту в духовную зрячесть и силу каменеющей ненависти в благодать приемлющей любви».

Государство и церковь, воин и монах необходимы друг другу. Тот и другой оберегают дело Божие. В православии в отличие от католицизма молитва направляет меч. Такова

молитва св. Сергея Радонежского и таков меч Дмитрия Донского. Осуждению подлежит не меч, а «злые чувства в душе воина». Христос учил не мечу, а любви. Но ни разу, ни одним словом не осудил он меча «ни в смысле организованной государственности, для коей меч является последней санкцией, ни в смысле воинского звания и дела». Христос призывал любить личных врагов, а не врагов Божиих и не совратителей. Человек волен прощать личные обиды, а не чужие страдания. Он не в праве предоставлять злодеям обижать слабых, развращать детей, осквернять храмы и губить Россию. Ильин приводит обоснование меча в Апостольских посланиях. Смертная казнь, замечает Ильин, здесь не воспрещена и не проклята, она допущена как необходимость, но не освящена. Надо сделать все, чтобы меч и палач были бы не нужны. Если же они все-таки необходимы, надо их принять.

Таким образом, И. А. Ильин возродил древнерусское православное учение о мече именно в его «силе и славе». Он указал цель использования меча — защищать дело Божие, Россию и народ и не служить иным богам и целям. Государство имеет право сопротивляться злу силой. Ильин отстаивал волевое служение Богу и Родине. Он показывает необходимость духовного слияния церкви и государства. Основой государства должно быть христианское самосознание. Поэтому сегодня, когда зло стоит на интеллектуальном уровне, необходимо восстановить дух народа по отношению к этому торжествующему злу, а в государстве надо создать «должные» правовые законы и меч правосудия. Горе тому народу, восклицает Ильин, который утратил волю к борьбе со злом, ибо злодеи истребят его «лучших сынов», а оставшихся превратят «в своих покорных рабов». «Да проснется же в русских сердцах воля к этой борьбе! Да подвигнет она всех верных сынов России...»

В. А. Ашимова
Екатеринбург

ПРОБЛЕМА СИТУАТИВНОСТИ: КЛАССИЧЕСКАЯ И НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМЫ

Современный мир — место борьбы двух основных парадигм социокультурного развития: направленности на универ-